

Размышления над новой книгой

© 2025 г.

Ф.Э. ШЕРЕГИ

ОРГАНИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ КАК ГАРАНТИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

ШЕРЕГИ Франц Эдмундович – кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга, Москва, Россия (f-sheregi@inbox.ru).

Аннотация. Статья представляет собой аналитические рассуждения по поводу теоретических и методических концепций, изложенных в новой книге М.Ф. Черныша «Инструмент массового опроса: логика и практика конструирования» (2024). Логика рассуждений базируется на анализе валидности соотнесения автором трех уровней социологии: макротеоретического (цивилизационного), теории среднего уровня (институционального) и эмпирико-методического (прикладные исследования) как трех условно-автономных взаимозависимых частей органически единого процесса социологической гносеологии. В книге в аналитико-критическом стиле с широким использованием материалов из зарубежных и российских экспериментальных верификаций валидности теоретических парадигм, формально-логических концепций и методических приемов осуществлена оценка состояния методологии, обобщен уровень корректности методических приемов прикладных социологических исследований. Широта охвата в книге логико-познавательных проблем социологии является плодотворной базой для конструктивных научных дискуссий в области теории социологии и полезным методическим опытом для повышения качества прикладных социологических исследований.

Ключевые слова: социологическая гносеология • макросоциологическая теория • теория среднего уровня • шкалирование в социологии • достоверность эмпирических данных • валидность эмпирических показателей

DOI: 10.31857/S0132162525020163

Проблема достоверности социологической информации актуальна с момента зарождения прикладных исследований. Начиная с 1970-х гг. в СССР, после накопления опыта социологических исследований по разным темам, социологи стали уделять повышенное внимание проблематике достоверности эмпирических данных¹. Была осознана целе-

---

¹ См.: Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006; Шубкин В.Н. Социология и общество: научное познание и этика науки. М.: ЦСПиМ, 2010; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1999; Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979; Батыгин Е.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986; Клигер С.А., Косолапов М.С., Толстова Ю.Н. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978 и др.

сообразность ознакомиться с опытом зарубежных специалистов, изучающих проблемы валидности эмпирических данных относительно предмета исследования. Проблема окончательно не решена и пока не выходит за пределы концептуального анализа.

Достоинство работы М.Ф. Черныша² заключается в том, что решая проблему валидности эмпирических социологических показателей он отошел от проблемно ориентированной фрагментарности и впервые провел систематический анализ в иерархическом сочетании: макросоциологическая теория как исходный посыл в форме гносеологической гипотезы ↔ основанная на предположении автономности социальных институтов формально-логическая модель теории среднего уровня ↔ агрегированная в эмпирические показатели массовая социологическая информация прикладного исследования. Примечателен факт, что автор взялся выполнить в методологическом аспекте весьма сложную задачу, тем самым «растормошил» проблему валидности социальных показателей, социологами «непроизвольно забытую» в свете многочисленных коммерчески обусловленных прикладных исследований последних тридцати лет.

Многоплановость социологической гносеологии. Изложенная автором в первой части книги концепция макросоциологии генерирует вывод: независимо от того, является ли социальное познание теоретическим или прикладным, поведение индивида следует рассматривать как предопределенное подсознанием. Однако при изучении мотивации поведения индивида для социолога важна не аргументация, которую З. Фрейд выделил как основной генетический позыв, а систематизированная К. Марксом категориальная модель политэкономии, объясняющая мотивы социальных отношений любого вида. Как объективированные в науке вербальные конструкты, социальные отношения обретают явную форму в вещах, большей частью выполняющих роль *престижа* и посему не участвующих в жизнеобеспечивающем обмене веществ с природой. Вербальная форма отношений на уровне масс трансформируется в коллективное мировоззрение – идеологию.

В социологии переход от идеологем к количественным величинам опирается на ряд инструментальных процедур, включающих методы, заимствованные из других наук: аналитической лингвистики (операционализация понятий), теории шкал измерения (математика), технологии коммуникации интервьюера и респондента (психология). Использование совокупности заимствованных методов в итоге приводит к единому результату – построению методического инструментария сбора первичной информации, являющегося структурной моделью предмета социологического исследования, опосредованного объектом анализа, как носителем искомой информации. Объективация познавательного процесса – закон для любой науки.

Как подчеркивает автор (с. 9), объективация позиции исследователя – стержень теории позитивной социологии, ставшей исходной концепцией современных эмпирических исследований. Для объективации предмета социологии Ж. Бодрийяр предложил внешние формы социальных явлений рассматривать как символы («симулякры») внутренних генетических позывов индивида, что «очищает» информацию от «идеологического нароста» [Бодрийяр, 2015]. Такая гипотеза имеет право на существование, однако ее верификация затруднительна, так как внешние мотивы поведения индивида чаще всего не удастся достоверно идентифицировать с латентными позывами.

Субъективное состояние человека есть основа его рефлексии и поиска адекватных внутренним генетическим позывам внешних вещных форм. С этой позиции все формы сознания и гносеологического моделирования являются адекватным обменом информацией с природой для адаптации социума к внешней среде. Если бы информационный обмен индивида с природой был неадекватным, то социума бы сегодня не было, так как не существовала бы социальная эволюция.

---

² Черныш М.Ф. Инструмент массового опроса: логика и практика конструирования. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 304 с.

Если для адаптации к условиям жизни требуется изменить внешнюю среду, познаются правила моделирования тех или иных форм и процессов природы. Опыт цивилизации показал, что оптимальным для моделирования форм и процессов природы является формальная логика, т.е. математические методы. Этот критерий научности познания принят и в прикладной социологии. Его применение в социологической практике решает задачу формирования достоверной социальной статистики для регулирования массовой коммуникации и координации взаимодействия социальных институтов. Однако любой социальный институт подвержен эволюции и его модель, однажды построенная с использованием формальной логики, со временем «увядает» и приходится моделировать другую «истину». Например, отрицание социалистической модели государства и переход к его антагонисту – капиталистическому государству.

Теоретические модели социологии, строящиеся на использовании абстрактных вербальных конструктов (категорий) более долговечны, чем модели, базирующиеся на агрегированных эмпирических данных. Преимущество вербальных моделей в том, что они в познании исходят из природного процесса эволюции социума. Эмпирические модели в социологии субъективны и могут быть интерпретированы сообразно интересам потребителя информации: факт отсутствия в регионе жизненно важных потребительских товаров будет воспринят администрацией как негативное явление, причиняющее заботы, а предпринимателем – как благоприятная конъюнктура рынка, обещающая большую прибыль.

В паре теория – эмпирия «задействованы» две логики: диалектическая и формальная. Правила последней обусловлены математикой, поэтому незыблемы. Соблюдать их в прикладной социологии трудно, так как в эмпирических исследованиях используется много эвристических методов. Автор прав, что научность эмпирических показателей будет гарантирована только в том случае, если «сказанное социологом-теоретиком... переведено на язык обыденной, нейтральной речи, которой большинство людей изъясняется друг с другом» (с. 10). Это ключевой момент обеспечения валидности инструментария сбора первичной информации, так как социологическая анкета – это не хаотичный набор вопросов, а системная модель структурированного предмета исследования.

Теоретическая основа исследования. Говоря о социальной реальности как объекте исследования, автор выделяет важное гносеологическое правило: «... чтобы сохранить объективную позицию, социолог должен встать над своими убеждениями» (с. 13). При этом подчеркивает, что «амбивалентность, двусмысленность социального мира не противоречит научным подходам к его изучению» (с. 15). В более широком смысле речь идет о том, что любой социальный объект с позиции диалектики состоит из противоположностей, без чего целостный объект не существует. Предметом социологии являются социальные отношения, в овеществленной форме включающие две альтернативных, друг друга органично предполагающих составляющих. Например, отношения в правовом поле предполагают и девиацию, и контроль соблюдения законности: без преступника нет отношения девиации и не требуются правоохранительные органы.

Автор повышенное внимание уделяет *парадигматическому переходу от макросоциологии к микромиру*. Проблематика парадигматического построения науки важна, но прежде всего с позиции развития цивилизации и, соответственно, форм мышления. Парадигма – индикатор цивилизационного развития и разноречивой ее интерпретации в рамках одной и той же цивилизации означает, что теория еще не стала научной, поиск ее верификации продолжается. Это имеет место и в теории социологии, где приемлемость парадигм чаще всего обосновывается субъективным мнением авторитетного ученого, без практической верификации, в итоге публикации по социологии пестрят многочисленными ссылками на авторитеты. При разработке социальной теории насыщенная противоречиями гносеология приемлема как процесс поиска объективной истины, однако при решении прикладных задач разноречивые во мнениях недопустимы, так как достоверность информации не гарантирована. Автор обоснованно подчеркивает правоту вывода П. Фейерабенда о том, что парадигма должна быть единой, а метод может различаться и это

не нарушит идентичность результатов исследования, если каждый применяемый метод является валидным относительно предмета и объекта анализа. Также следует учитывать, что в прикладном социологическом исследовании проверяется не парадигма, а прагматические гипотезы.

Парадигма зависит от ученых лишь постольку, поскольку происходит разнонаправленный поиск устойчивых гносеологических моделей, опирающихся на новую парадигму, сама же парадигма есть результат генетического развития когнитивных способностей человека, проявляющихся в производственной деятельности и, в последующем, интегрированных в интеллектуальные концепции. Никогда теория не опережает практику, она есть кульминация, обобщение результатов практической деятельности людей. Парадигмы, истинность которых верифицирована на практике в тот или иной период социальной эволюции, сохраняют свое значение и в последующем, они квалифицируются как часть более широкой парадигмы. Например, от того, что появилась гиперболическая геометрия Лобачевского – Больяи геометрия Евклида не потеряла своей теоретической и практической истинности. Проблема не в эволюции парадигм, если они соответствуют логике развития человеческой креативности, а в схоластике, обладающей свойством логически обосновывать псевдо-истины.

Можно продолжить теоретические рассуждения М. Черныша в том аспекте, что в социальной науке проблема валидности парадигмы возникает тогда, когда, опираясь на формальную логику, исследователь строит схоластическую концепцию. Например, никто не опровергает гносеологическую применимость концептуальной модели английских политэкономов (А. Смит, Д. Рикардо), систематизированную К. Марксом. Проблема возникла лишь тогда, когда потребовалось классическую религию подменить иной теософией, наподобие христианской теологии, но более «приземленной». И тогда политики трансформировали политэкономию в схоластическую мифологию. Теория Маркса ни при чем, «жонглировали» ею новоиспеченные идеологи социалистического государства, но как только политическая система государства изменилась на диаметрально противоположную, они же свою парадигму отбросили в небытие. В этом аспекте критические высказывания автора оправданы, однако следует также учитывать, что классовая и формационная теория К. Маркса, социальная диалектика Г. Гегеля являются макропарадигмами эволюции цивилизации и не содержат эмпирических показателей.

Относясь критически к парадигме структурно-функционального построения общества, М. Черныш придает первостепенное значение нормативно-ценностным аспектам социальных отношений, отмечая, что «если система... не в состоянии воспроизвести характерного для нее нормативно-ценностного порядка, она терпит крах, но лишь затем, чтобы дать рождение новой системе» (с. 26). В российской социологии этот принцип используется в исследовании проблематики консолидации общества и устойчивости государства. Автор согласен с конструктивистской парадигмой П. Бергера и Т. Лукмана в том, что объективная реальность, осознаваемая индивидом в преломлении через призму своих ценностных восприятий, «является на самом деле совокупностью понятийных построений, возникающих в межличностном взаимодействии» (с. 30).

Любая парадигма для построения теоретической модели функционирования общества имеет право на существование как гипотеза и предмет логико-познавательного спора. Однако, когда наступает время решать при помощи той или иной модели практические задачи социального управления, парадигма проходит верификацию с привлечением эмпирических данных, полученных в прикладном исследовании и не всегда гарантировано, что гипотеза подтвердится. Эта проблема актуальна, когда парадигма носит субъективный характер и ее верификация не выходит за рамки спора с некоторой другой парадигмой. Спор разрешается результативно только в том случае, если парадигма будет соотнесена с процессами, обусловленными природой безотносительно нормативных или ценностных воззрений исследователя или общества в целом.

Приемлемой для познания социальных явлений автор считает и феноменологическую парадигму, как методологию выявления смыслового и нормативного содержания социальных отношений: «как люди наделяют окружающий мир смыслами» (с. 35). Это перекликается с концепцией «симулякров» (символизмом) Ж. Бодрийяра. Автор отдает предпочтение тому аспекту феноменологической социологии, который признает важным формирование системы эмпирических показателей для последующих выводов, обладающих потенциалом быть синтезированными в теорию.

Исходя из предположения об отсутствии единой концепции парадигматического подхода к разработке научной теории автор, ссылаясь на мультипарадигмальный подход Ритцера – Ядова правомерно заключает, что любая теория считается научной, если она опробована на практике и ее практические результаты поддаются прогнозированию (с. 39–51). Однако в социальной практике даже демографические процессы слабо поддаются прогнозу, в лучшем случае возможен прогноз тенденции – роста или снижения рождаемости. Это подвергает сомнению возможность построения парадигм в понимании Т. Куна, ибо субъективная парадигма может породить лишь субъективную теорию, пригодную для построения теоретических гипотез.

Автор детально рассматривает дискуссионные проблемы эволюции парадигматического подхода к развитию социальной науки, опираясь на анализ работ зарубежных социологов-теоретиков, в том числе противопоставляющих «конфликтологическую» теорию Маркса и теорию структурного функционализма (с. 43–44). Противопоставлять эти теории вряд ли правомерно, так как теория Маркса, если рассматривать не ее цивилизационную часть (эволюцию общественно-экономических формаций), а «статическую» – политэкономический анализ, является структурно-функциональной. Его «Капитал» – классический образец операционализации вербального абстрактного конструкта «капитал» в менее абстрактные понятия, для которых имеются индикаторы, поддающиеся квантификации. И если обратиться к работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда» и М. Вебера «Хозяйство и общество», то правомерно заключить, что их исходной концептуальной основой является политэкономическая парадигма Маркса. Ссылаясь на критический анализ теории парадигм, осуществленный американским социологом Дж. Ритцером, автор отмечает, что для социологии, особенно прикладной, характерна полипарадигмальность, в результате чего социальное познание носит преимущественно эвристический характер: и в постановке гипотез, и в построении методического инструментария, и в интерпретации эмпирических данных исследования (с. 45–47).

Основная проблема социологической гносеологии социально-философского уровня заключается в том, что она по сей день остается схоластическим спором различных теоретиков (например, выдвигаются теории Т. Парсонса, Т. Лукмана, Э. Гидденса и др.), что свидетельствует об отсутствии объективно верифицированной теории социологии, есть только субъективные концепции в виде гипотез, верификация которых осуществляется преимущественно в форме схоластических споров. В современной теории социологии правомерно говорить только о претензии на научность и предпочтение на «симпозиумах» участники отдают той концепции, которая ближе их собственному воззрению, а в своих трудах истинность концепции подтверждают ссылкой на авторитетного социолога. Этого нет в естественных науках, в которых авторитет не является критерием истины, и, если выведена формула движения планет – это не субъективная конструкция ученого, а сконструированная им адекватная природному явлению модель, а имя ученого используется только для обозначения первооткрывателя.

Теории среднего уровня. От анализа противоречий в макросоциологических теориях автор переходит к следующей теоретической ступени гносеологии, приближающей исследователя к построению интегральных эмпирических показателей. Это теории среднего уровня (специальные теории), актуализированные американским социологом Р. Мертоном «в то время, когда поле социологии было жестко поделено между сторонниками гранд-теорий...» (с. 54). Автор прав в том, что первоначальное неприятие предложенного

Р. Мертоном рационального подхода к отраслевой сегментации методологии моделирования социального познания во многом проистекало из субъективных установок статусного характера, так как потеря статуса таила в себе опасность лишиться материальных привилегий. Однако критика со стороны оппонентов также имела под собой основание: предложенный подход к построению теории среднего уровня был мозаичным, предопределенным задачами исследования, коих множество, и они различаются в разных социальных общностях. Более того, используя в качестве критерия специализации, социологические теории среднего уровня стали появляться без учета необходимости единого основания: что ставить в основу автономной теории, предмет или объект исследования? В итоге появились теории, основанные на разработке модели *предмета исследования*: социология политики, социология девиации..., но также теории, исходную основу которых составляет *объект исследования*: социология молодежи, гендерная социология... Более того, в последние годы стали разрабатывать теории среднего уровня, не вытекающие непосредственно из социальных отношений, например, нейросоциология (Ю.С. Шкурко). Теория среднего уровня нужна как инструментальная, направляющая познавательные устремления исследователя, но в основе этих теорий должна лежать единая универсальная парадигма, предполагающая, что строится она путем выделения социального института, включающего и социальные отношения как предмет исследования, и объект как носитель социальных проблем. И тогда нет потребности следовать мнению Р. Будона о предназначении теории среднего уровня – «приблизить социальную теорию к национальной почве», что идентично разрабатывавшейся в СССР теории партийности социологии, что-то сродни, как автор называет, концепцию «методологического индивидуализма» (с. 56–60).

Анализ работ Р. Будона и Н. Смелзера наглядно демонстрирует отмеченную автором общую методическую ошибку современных социологов-теоретиков: не следует смешивать теорию цивилизаций, которая строится в вербальной форме с использованием динамических категорий для оперирования ими в рамках диалектической логики, и теории социальных институтов в статическом разрезе, нацеленных на построение эмпирических показателей социального объекта в относительно короткий актуальный промежуток времени.

В дискуссии о науке, особенно в такой несовершенной, как социология, по причине субъективности гносеологических моделей много претензий ученых к самим себе (с. 61). Это свидетельствует о несовершенстве научной парадигмы и построенной на ее основе теоретической модели. Если однажды доказали, что в классической физике скорость зависит от длины пути и длительности времени: $V = s/t$, то по этому вопросу больше никогда не дискутируют. А если в социологии каждый теоретик придумывает парадигму и, базируясь на ней, формирует свою теорию, тогда здесь наука отсутствует, есть только процесс эвристического поиска.

Социологическая теория и гипотезы исследования. Когда научные концепции стали обуславливаться социальной практикой, т.е. предмет и объект исследования определяли заказчики в форме *технического задания*, «социологи все чаще ограничивали масштабы исследования и его временные рамки...» (с. 63). Прагматический капитализм стал задавать вопрос: на что тратятся деньги и какова от этого практическая польза, естественно, ожидая аргументацию достоверности выводов в опоре на эмпирические показатели. В качестве одной из ключевых проблем социологии М. Черныш выделяет сложность «соединения статики и динамики, представление о текущем состоянии общества и его эволюции» (с. 65). В этом аспекте наглядна попытка экстраполировать явления малых групп на закономерности цивилизационного масштаба. Ошибка заключается в том, что те или иные устойчивые по своим функциям социальные образования *пережили свой расцвет* на ранних стадиях цивилизации и за тысячелетия влияния иной цивилизации трансформировались, их функции сегодня – это подсознательная имитация, прошлую цивилизационную роль которой они не осознают. Например, методологически не корректно идентифицировать родовую семью Древнего Китая и нуклеарную семью современного капиталистического общества. Кроме того, не всегда вербальные гносеологические

модели макроуровня годятся для практического применения: вряд ли крестьянин смог вырастить урожай злаковых, опираясь на законы диалектической логики, например, «перехода количества в качество». Автор прав в том, что несовершенство теории ведет к ошибочному построению гносеологических гипотез, чаще всего – к их недоказуемости и недостоверности прогнозов (с. 68–69). С момента институционализации в социологии парадигмы позитивизма, ни одно масштабное социальное событие не было предсказано. Даже концепция революций XIX–XX вв., построенная на парадигме классовых противоречий и по форме вполне логично объяснимая мотивацией поведения конфликтующих социальных групп в рамках отдельной страны, в масштабе цивилизационном, т.е. мировом, не валидна. В основе революционных движений последних веков лежат не социальные, а экономические причины, стремление экономики вырваться из лона стесняющих ее национальных ограничений на более рациональные глобальные просторы, позволяющие унифицировать и упрощать производство продукта, тем самым сокращая инвестиции и увеличивая прибыль. Не случайно Л. Троцкий пропагандировал идею перманентной революции, большевики стремились «объединить пролетариев всех стран», а французские революционеры – «разрушить весь мир насилия». Именно в стремлении экономики к глобализации кроются современные социальные противоречия, и достижения глобализации, как отмечает автор, уже видны в коммуникации: СМИ, телефонная связь, Интернет, (с. 71); и можно продолжить: унификация предметной среды обитания и быта, постепенный переход от вербальных форм коммуникации к символической (например, лайковой), включение в массовую коммуникацию искусственного интеллекта. Поэтому автор констатирует актуальное для социологии положение: следует различать подтверждение выдвинутой исследователем гипотезы и значимости результатов для практика (с. 73). Этот вывод важен для прикладных социологических исследований: социолог должен только констатировать факт, но не формулировать оценочные суждения по поводу полученных эмпирических данных. В какие эти данные превращаются эмпирические показатели, о чем именно они свидетельствуют – приоритет этого суждения принадлежит заказчику исследования, который агрегированные эмпирические данные превращает в эмпирические показатели соотнося со своими интересами.

По мнению автора, проблема доказательства гипотез проистекает из многогранности поведения личности и в целом социальных групп, и он согласен с П. Суппесом в том, что в прикладной социологии следует использовать вероятностные статистические показатели относительно поведения больших групп (с. 73–74). Также акцентирует внимание на важности эмпатии при формулировании гипотез, т.е. «умении поставить себя в жизненную среду респондента», этим самым «улавливая» мотивационную основу его поведения (с. 76–77).

От теории к эмпирическим показателям. Анализируя дискуссии по поводу абсолютизации принципа операционализации как основы построения валидных эмпирических показателей, заимствованного из аналитической лингвистики, автор ссылается на негативную позицию П. Сорокина по поводу идеализации этого метода в социологии (с. 81–83). Механическое заимствование социологией метода операционализации не продуктивно. Как правило, объекты естественных наук уже на уровне обобщающего понятия имеют верифицированный физический образ, например, понятие треугольник, детализация образа которого для вычисления эмпирических показателей происходит путем выделения составляющих элементов: углов, сторон. При этом первоначальный образ понятия – «треугольник» – остается неизменным на всех стадиях его дифференциации.

Процедура операционализации в социологии по своему содержанию субъективна. Например, при поиске индикаторов для операционализации вербального конструкта «образ жизни» можно использовать менее абстрактные понятия: качество жизни, стиль жизни, жизненная среда..., но эти понятия также абстрактные, и требуется их дальнейшая детализация, которая на стадии определения индикаторов (социальных фактов) приводит к различиям в разных культурных средах. Например, в СССР в 1970-х гг. соблюдение молодежи религиозных праздников официальной властью оценивалось как отрицательный

индикатор социальной активности, а в США – как положительный. Эти знаки – $\pm$ – при синтезе эмпирических данных, по форме лишенных ценностных характеристик, автоматически переносятся в интегральный показатель, и в первом случае получается деструктивная, во втором – конструктивная социальная активность. То есть понятие «социальная активность» не имеет абсолютного содержания, оно меняется в зависимости от социальных фактов, используемых исследователем в качестве индикаторов. Поэтому, в социологии метод операционализации является лишь эвристическим подходом к формированию эмпирических показателей. Однако иных методов для квантификации вербальных конструктов в социологии пока нет, и это единственный приемлемый метод для моделирования инструментария сбора первичной социологической информации.

Что касается эмпирических социологических исследований, в них субъективность показателей – и эмпирических, и вербальных – predetermined пользователями информации. Например, в христианском мире понятие «полигамия» относится к сфере социальной девиации, а в мусульманском мире – нет. Или об эмпирических индикаторах: при опросе мнения европейских мужчин о появлении на пляже женщин в бикини будут доминировать одобрительные оценки, ассоциированные с суждениями об эстетике тела, а при опросе мужчин в мусульманских странах – отрицательные, ассоциированные с девиантным поведением женщин. Из приведенных примеров видно, что характер показателя в социологии во всех случаях predetermined объектом исследования (здесь – страна), независимо от идентичности предмета исследования (здесь – присутствие на пляже женщин в бикини).

Осуществляя анализ дискуссии западных социологов, в первую очередь П. Сорокина, по поводу валидности метода операционализации в социологии, автор показывает их избирательный подход к подбору примеров для критики, в то время как можно рассуждать о методе конструктивно, не задерживая внимание на том, что представляется несовершенным в научном плане и не заполняя научное поле «деструктивной гносеологией»: «Критикуя... всю практику операционализации, Сорокин занял крайнюю точку зрения» (с. 83). Автор отмечает и положительный вклад П. Сорокина в проблематику операционализации: «ему удалось как никому другому подчеркнуть значимость операциональных определений. Зависимость конечного результата исследований от того, какие в его основу заложены показатели», которые должны отличаться полнотой и валидностью относительно и предмета, и объекта исследования. И не должны «выдумываться», как выражался П. Лазарсфельд, при этом придававший важное методологическое значение приему операционализации (с. 84–86). В социологии – это эвристический процесс, однако максимально учитывающий достижения социальной теории и гарантирующий валидность формируемого инструмента сбора первичной социологической информации.

Важная проблема, актуализованная автором, – соотношение частных социальных фактов и показателей (с. 88). Она проистекает из ситуации, когда исследователи, опираясь на частные эмпирические данные, отображенные в числах, пытаются сформулировать теоретические концепции, которые правомерно формировать только как вербальные конструкты. Еще одна проблема: сам исследователь автономно может формировать показатель только в том случае, когда проводит исследование сугубо «для научного познания». Если исследование прикладное и выполняется для заказчика, тогда формируется система не показателей, а агрегированных эмпирических данных, как это делают статистические службы, а в показатели эти данные превращает заказчик сообразно своим интересам. Высокий заработок трудящихся для социально-ориентированных политиков может быть показателем благоприятным, как индикатор повышения жизненного уровня, а для финансистов – негативным, как явление, чреватое гиперинфляцией.

Автор считает необходимым условием формирования валидных показателей их раскрытие в индикаторах, различая инструментальные и функциональные показатели (с. 90–93). На примере операционализации понятий из практики американских исследований автор показывает, что все эти процедуры осуществляются эвристически (с. 94–100). Такова практика всех социологов, занимающихся прикладными исследованиями. Эвристическая

операционализация не лишена погрешностей, поэтому агрегирование первичной социологической информации в интегральный показатель, первоначально использованный в вербальной форме для процедуры операционализации, не всегда гарантировано (с. 265–272).

Логика конструирования исследовательского инструмента. Построение социологического опросного инструмента эффективно тогда, когда исследователь, опираясь на эмпатию, четко представляет логику коммуникации с респондентом. Автор подчеркивает приоритет использования в социологических исследованиях вопросов двух типов: фактологических и оценочных (с. 101–104). Как правило, фактологические вопросы не нуждаются в оценке со стороны респондента, они эмпирически легко верифицируемы и органически сочетаются со шкалой измерения, например, пол, этническая принадлежность, профессия. Исследователь может по своему усмотрению корректировать шкалы измерения: например, возраст, как правило, измеряется интервальной шкалой (число полных лет), но может быть измерен и номинальной шкалой: молодое, среднее, старшее поколение.

Сложнее конструировать вопросы оценочного характера. Их следует дифференцировать: высказываемые компетентными экспертами относительно объекта, который для них индифферентен с позиции личного интереса; высказываемые респондентами, чаще всего оценивающими объект с позиции личного интереса (с. 105). В последнем случае шкалы измерения в анкете будут ординарные или псевдоинтервальные, если оценка осуществляется с применением балльной шкалы. Автор подчеркивает, что для таких шкал использовать классические методы прогноза затруднительно, однако можно строить *прогностические модели тенденций* по тем показателям, которые измеряют устойчивые характеристики индивида, например, установку на жизненную траекторию. В последнем случае могут быть две ситуации: установка реализуется; установка остается потенциальной до появления необходимых социальных условий ее реализации. Проблемность такой ситуации зависит от предмета исследования: если предметом изучения является динамика массового сознания, тогда прогноз тенденций возможен путем сопоставления показателей по поколенческим группам [Шереги, Приведенцева, 2024: 13–36].

Установки и фактическое поведение могут различаться в зависимости от условий. В конкретных условиях действуют «нормативные предписания, диктующие определенные типы поведения» (с. 107). В частности, продавец в магазине не может отказать в продаже товара только потому, что ему не понравилась одежда покупателя. Здесь действуют экономические отношения продавца и покупателя, опосредованные деньгами и посему обезличенные.

Большое внимание автор уделяет анализу валидности эмпирических данных в исследованиях, использующих в качестве индикатора понятие «ценность», и показывает, что ряд западных социологов считают это понятие слишком идеологизированным, поддающимся манипуляции со стороны политических элит (с. 110–114). Если исходить из определения, что ценности личности – это нормы общества, интериоризованные индивидом в процессе социализации, тогда правомерно говорить о внешней предопределенности ценностей, и свобода личности присутствует лишь в виде права выбора тех или иных норм. С позиции практики прикладных исследований ценности личности следует рассматривать как мотивационную основу выбора фактического или потенциального поведения. Если у индивида не будет некоторого базового устойчивого набора ценностной мотивации в форме установки, тогда нет возможности говорить о нем как о личности, целостный облик которой предопределен нормами общества. При трансформации ценностной мотивации индивида в понятие «установка» легко произвести операционализацию с использованием индикаторов, пригодных для сбора эмпирической информации.

По мнению автора, ошибка американских социологов, пытавшихся экспериментально доказать, что ценностные установки индивида не являются достаточной основой для достоверного прогноза, заключается в том, что они ищут валидность эмпирических показателей там, где в принципе нет эмпирической формы (с. 115–118). Например, какой вещественный аналог может быть формой для понятий: «вера», «девиация», «политика»?

Понятия такого уровня абстракции можно соотнести с бесконечным числом социальных фактов, и в соответствии с вариацией этих форм варьирует и поведение индивида: оно может быть диаметрально противоположным при идентичной установке. Например, индикатором «социальной активности» для кого-то может быть участие в движении волонтеров – позитивная направленность, а для кого-то участие в движении шахидов – негативная направленность.

В основе прогноза поведения должны быть не субъективные установки, которые, как правило, подвержены высокой вариации, а максимально независимые показатели, например, социально-профессиональный статус, который предопределяет величину дохода и тем самым образ жизни индивида: выбор референтных групп, характер потребления, стиль в культуре и др. Речь не об узкой профессиональной специализации или классовой стратификации, а о сегментации респондентов по группам с идентичным *способом жизнедеятельности*. Не менее важно: в социологии формируется социальная статистика и не прогнозируется поведение отдельного индивида; учитывается средняя погрешность, поэтому принято говорить о *тенденции*, но не о неизменных цифровых показателях состояния в динамике. Следует согласиться с выводом автора, что *прогноз в социологии может быть только вероятностным* (с. 117).

В прикладных социологических исследованиях достоверность эмпирических показателей часто связывают с уровнем компетентности респондента, хотя этот показатель актуален прежде всего в экспертных опросах. Для респондентов эта проблема присуща преимущественно в аспекте *информированности*. Тем не менее и в массовом опросе компетентность респондентов влияет на достоверность ответа. Качество информации по всей совокупности респондентов не страдает в том случае, если, будучи некомпетентным или неинформированным респондент в вопросе выбирает ответ «затрудняюсь ответить». Хуже, когда он начинает гадать или вспоминает «штампы» из прочитанного или увиденного в СМИ (с. 119–120). Но это не абсолютная констатация. Например, при опросе некурящих о вреде курения они могут быть вполне компетентными по этому вопросу.

Наряду с *фактом* компетентности, важна также *степень* компетентности респондента: она может базироваться на объективных фактах, а может быть усвоенным «штампом» из СМИ. По мнению автора, выявить это можно только с помощью дополнительных контрольных вопросов (с. 122–123). Есть ситуации, когда критерий компетентности или некомпетентности респондента не играет роль в прогнозе его потенциального поведения, например, в электоральных опросах, в которых важен только итоговый результат поведения, безотносительно мотива.

В прикладной социологии стараются задействовать все виды памяти респондента и, как отмечает автор, следует считаться с тем, что в процессе опроса происходит не просто «вспоминание», а конструирование информации, «в котором “всплывающее” фрагментарное прошлое подвергается существенному редактированию» (с. 128). Респондент «достраивает», приводит в систему фрагментарные воспоминания из прошлого, порой подсознательно объединяя их в целостный образ за счет ассоциативных, но в действительности не произошедших событий. И такое «достраивание» респондентом фрагментарных событий прошлого в виртуальный целостный образ тем вероятнее, чем дальше отстоят во времени события, которые респонденту требуется вспомнить. В этом случае «семантическая память считается наиболее надежным источником информации», а эпизодную память, «фиксирующую воспоминания респондента об эмоциях, впечатлениях, пережитых в прошлом, принято считать наименее надежной». Прочно «оседают» в памяти индивида стрессовые события, пример чего автор приводит из событий Второй мировой войны (с. 129–133).

Точность информации, сообщаемой респондентом выше тогда, когда она относится к событиям, связанным с его личной жизнью, что вновь подтверждает нецелесообразность использования респондента как источник экспертной информации (с. 135–136). Есть ситуации, когда зависимость исторической информации от памяти респондента не может

быть доказана. Такой пример автор приводит из опроса о знакомстве респондентов с деталями российской Февральской революции (с. 141–142). В данном случае корректно говорить не о памяти, а об информированности, т.е. степени компетентности респондента.

Возможность внешнего влияния на мнение респондента. Рассматривая единство теоретической и прикладной составляющей социологического познания автор ставит акцент на том, что строя теорию социологии следует исходить из диалектического единства и противоположности индивидуального и общественного: «мир индивидуальный становится в основных типических, "идеальных" характеристиках миром социальным, надстраивается социальными институтами, превращается в социальный порядок...» (с. 150). Поэтому мнения, проистекающие из индивидуального подсознания более устойчивы и достоверны, чем зависящие от внешней среды вариативные нормативные установки. На этой концепции базируется проведение глубинных интервью, а также считающийся социально-психологическим метод фокус-групп. Автор приводит результаты методических экспериментов, проведенных Р. Мертоном, Г. Дилигенским, подтвердивших конформность индивида в стремлении адаптироваться к социальной среде, что является важным условием устойчивости общества в определенной цивилизационной модели. С позиции стабильности общества конформность индивида – позитивное явление, однако в прикладной социологии может оказаться преградой к получению валидной информации по причине нежелания респондента противоречить доминантным нормам общества, особенно в области политических или нравственных суждений: «Конформное поведение в масштабах общества в социологическом исследовании трансформируется в проблему социальной желательности...» (с. 153–155). Утилитарно говоря, в директивных обществах респондент может воспринимать опрос как допрос и «включить внутренний цензор».

Еще один фактор искажения первичной социологической информации – «тяга» индивида к статусу престижности (социальная желательность), в результате чего желаемое выдается за действительное. Один из вариантов решения этой проблемы, как считает автор, снижение уровня персонализации вопросов (с. 156–157). Это относительно не сложно сделать в маркетинговых исследованиях, однако при исследовании социологических задач ведет к искажению базовой информации, невозможности реконструировать ответ до уровня достоверного.

Следующая форма внешнего влияния на мнение респондента, которой автор придает важное значение, – «программирующие» вопросы, когда респондент лишается возможности свободно выбрать ответ. Например, вопросы, в альтернативном сочетании включающие такие многозначные по содержанию понятия, как «свобода», «демократия», «порядок», «неравенство» (с. 161). Актуальность проблемы включения в исследовательские анкеты слишком абстрактных понятий не вызывает сомнения. Исследователи формулировкой в вопросах абстрактных понятий как бы желают получить от респондента не первичную эмпирическую информацию, а аналитический ответ, который дословно можно включить в отчет по итогам исследования, как концептуальный вывод. Но респонденты – не теоретики, и чаще всего не могут отвечать на вопрос в соответствии с формулировкой в учебниках или справочниках. Респондент не обязан знать латентную задачу исследования и гносеологическое предназначение той информации, которую у него спрашивают. «Искусство социолога состоит в том, чтобы обойти "минное поле" желательности, задавать вопросы так, чтобы в ответах респондент видел реальную альтернативу...» (с. 162), а смысловой синтез агрегированной социальной статистики – это задача социолога-аналитика.

Относительно часты ошибки, когда в одном вопросе для респондента формулируются два и более выборов. Автор приводит наглядный пример многозначного вопроса, сформулированного на Всесоюзном референдуме о сохранении СССР (17.03.1991 г.): «Считаете ли вы 1) необходимым сохранение СССР, как 2) обновленной федерации суверенных республик, 3) в которой в полной мере будут гарантированы права и свободы

человека, 4) любой национальности». Ответ «да» на любой из четырех позиций в вопросе автоматически распространяет этот ответ на весь вопрос (с. 164–171).

Говоря о методических ошибках конструирования социологической анкеты автор приводит примеры из практики немецкой журналистки Э. Нойман и английского историка Н. Старгардта, анализировавших «спираль молчания» в опросах, проводившихся в Германии в 1939–1945-х гг. «Спираль молчания» по сути – это самоцензура, отказ респондента, оказавшегося в среде оппонентов, от откровенного высказывания собственного мнения. Самозамыкание усиливается в условиях, когда в государстве существует политический кризис или конфликтная ситуация между социальными группами. Актуализация позиции «молчания» может быть вызвана как боязнью уголовного преследования, так и опасением быть отчужденным от окружающих, оказаться в дискомфортной ситуации в социальной среде. Если респондент все же решается ответить на вопрос, то использует официальные идеологические штампы (с. 172–177). Пример приводится из жизни населения Германии, но он актуален и для СССР периода середины 1930-х – середины 1980-х гг.

Еще один тип вопроса, используемого в социологической анкете, – «чувствительные» вопросы. Они относятся в основном к «интимным», или «неудобным» вопросам. Хотя их иногда называют «угрожающими», в действительности в них нет угрозы, просто они могут содержать барьеры морального или идеологического характера, затрагивать нежелательные статусные стороны жизни респондента, что при ответах респондента может приводить к искажению информации (с. 181). Автор перечисляет области, в которых вопрос может приобретать «чувствительный» характер: в сфере электорального поведения, когда предпочтение избирателем кандидата может контрастировать с политическим предпочтением социальной среды, в которой он находится; в сфере нравственности, когда вопрос нацелен на характеристику поведения респондента, а оно отличается (в прошлом или настоящем) девиантным «оттенком»; интимного характера, например, о типах сексуального поведения или потребления психоактивных веществ; вопросы об источниках доходов, которые могут быть нелегальными; о характере расходования денег (на азартные игры, наркотики, взятку) (с. 182–187). Откровенность респондента при ответах на такие вопросы сомнительна и вряд ли помогут «ухищрения» в формулировке вопроса или ссылка интервьюера на анонимность опроса. Также «сложным представляется вопрос, в котором респонденту предлагается свести вместе не только собственные доходы, но и доходы других членов семьи» (с. 192–195).

Построение вопроса содержательного характера требует от социолога обладания вариативной эмпатией, умения ставить себя на место различающихся в ментальном отношении социальных групп, владения субкультурой их языка (с. 202). Только в этом случае гарантирована валидная формулировка вопроса и получение точной информации. В формулировке вопроса следует избегать понятий, допускающих множественное толкование: «В научной рефлексии понятия могут мутировать, в интервью... толкование понятий должно быть по возможности однозначным» (с. 206). Большинству людей, особенно не занятых трудом интеллектуального характера, свойственно выражаться краткими предложениями. Это связано не только с ограниченным словарным запасом, не включающим понятия, используемые в научной коммуникации, но и с прагматичностью мышления (с. 209).

Квантификация в социологии. Математические операции в социологии становятся актуальными при агрегировании первичной информации в интегральные эмпирические показатели. Процесс получения цифровых данных при помощи вопросов в анкете называется социологическим шкалированием. Проблематика построения социологических шкал не автономная, она органически вытекает из математической теории измерения и является ключевым методическим приемом перехода от вербальных характеристик объекта к их количественным параметрам, *инструментом квантификации социальных показателей*. Роль шкалы в содержательных вопросах социологической анкеты выполняют используемые индикаторы, которые могут варьировать по содержанию и по форме, но в обязательном порядке до завершения разработки анкеты должны быть соотнесены

с математической шкалой измерения (с. 216–221). От этого зависит соответствие эмпирических показателей их социологическому содержанию. Без шкалы невозможно определить, какие математические операции корректно производить с первичной социологической информацией в целях ее агрегирования для определения средних статистических тенденций [Горшков, Шереги, 2023: 49–64]. Корректное применение в социологии шкал измерения затрудняется тем, что многие вопросы включают индикаторы, типа: «затрудняюсь ответить», «другое», «и да, и нет» и др., которые не могут быть подвергнуты математическому анализу совместно с совокупностью респондентов, в качестве ответа выбравших содержательные позиции вопроса. При построении социологических шкал важно определить критерий их полноты, т.е. полный набор индикаторов, которые структурируют объект исследования (с. 222–229). Чтобы уменьшить вероятность ошибок, автор рекомендует испытательные тесты, проводимые до начала масштабного исследования, рассматривает особенности подготовки социологического инструментария при проведении таких «не классических» опросов, как телефонный, сетевой, фокусированный, интернет-исследование (с. 265–286).

Заключение. Наряду с освещением концептуальных и методических вопросов познания социальных явлений, заслуга автора несомненна в том, что он за последние три десятилетия впервые актуализировал и продолжил научный дискурс об органическом соотношении трех этапов социологической гносеологии: макросоциологии (цивилизационный этап), теории среднего уровня (институциональный этап), формирования агрегированных эмпирических показателей социальных явлений и процессов. В книге есть много инструментально завершенных разделов, которые можно использовать в практике социологических исследований, но также актуализированы логико-познавательные задачи, носящие постановочный характер и стимулирующие исследователей-теоретиков к продолжению поиска валидных моделей социологической гносеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. Глава 4. Измерение социальных явлений и процессов. Изд. 3-е. М.: Юрайт, 2023.
- Шереги Ф.Э., Приведенцева О.С. Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 13–36.

ORGANIC CONNECTION OF METHODOLOGY AND METHODOLOGY AS A GUARANTEE OF SOCIOLOGICAL INFORMATION RELIABILITY

SHEREGI F.E.,

Center for Social Forecasting and Marketing, Russia

*Frants E. SHEREGI, Cand. Sci. (Philos.), Director, Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia
(f-sheregi@inbox.ru)*

Abstract. The article is an analytical discussion of the theoretical and methodological concepts presented in the book: Chernysh M.F. «Instrument of mass survey: logic and practice of construction» (2024). The logic of reasoning is based on the analysis of the validity of the author's correlation of three levels of sociology: macro-theoretical (civilizational), middle-level theory (institutional), and empirical and methodological (applied research) as three conditionally autonomous interdependent parts of the organically unified process of sociological epistemology. In the book, in an analytical and critical style, with extensive use of materials from foreign and Russian experimental verifications of the validity of theoretical paradigms, formal-logical concepts and methodological techniques, the state of methodology is assessed, and the level of correctness of methodological techniques of applied sociological research is summarized. The breadth of the book's coverage of logical and cognitive problems of sociology is a fruitful basis for constructive scientific discussions in the field of sociology theory and useful methodological experience for improving the quality of applied sociological research.

Keywords: sociological epistemology, macro-sociological theory, middle-level theory, scaling in sociology, reliability of empirical data, validity of empirical indicators.

REFERENCES

- Baudrillard J. (2015) *Simulacra and Simulation*. Moscow: Ripol-classic.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2023) *Applied Sociology: Methodology and Methods*. Chapter 4. Measuring social phenomena and processes. Ed. 3-E. Moscow: Yurayt.
- Sheregi F.E., Povedentseva O.S. (2024) Medium-term forecast of the dynamics of life attitudes of Russians. *Vestnik Instituta sociologii*. [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 15. No. 3: 13–36.